

Литературный факт.
2022. № 2 (24)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (24), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-230-249>
<https://elibrary.ru/EKFWJC>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Конфуций во «Всемирной литературе». Доклад В.М. Алексеева о китайском философе в 1921 году (по материалам Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН)

© 2022, Я.Д. Чечнёв

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00494 «История издательства “Всемирная литература” в документах: судьбы творческой интеллигенции России в постреволюционном пространстве сквозь призму издательского проекта Максима Горького»).

Аннотация: В научный оборот вводится неизвестный доклад Китаиста В.М. Алексеева о предполагаемом переводе Конфуция, сделанный на заседании редакционной коллегии издательства «Всемирная литература». Выступление, зафиксированное в машинописном протоколе 1 апреля 1921 г., представляет собой событие как в истории самого издательства, так и в истории отечественной Китаистики. Представленный материал показывает, что «Всемирная литература» была не только книгоиздательской институцией первых лет советской власти, но и крупным научным центром, где удалось собрать ведущих литераторов и ученых. Доклад В.М. Алексеева сопровождается развернувшей дискуссией, наглядно иллюстрирующая научный уровень прений, которые велись во «Всемирной литературе» при подготовке большинства как изданных, так и задуманных книг. Вместе с тем публикуемый доклад ценен как самостоятельное исследование, освещающее историю изучения Конфуция, существующие переводы, а также отечественную рецепцию учения китайского философа.

Ключевые слова: Конфуций, Лунь юй, Суждения и беседы, В.М. Алексеев, Всемирная литература.

Информация об авторе: Яков Дмитриевич Чечнёв — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9439-0430>
E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

Для цитирования: Чечнёв Я.Д. Конфуций во «Всемирной литературе». Доклад В.М. Алексеева о Конфуции в 1921 году (по материалам Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН) // Литературный факт. № 2 (24). С. 230–249. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-230-249>

Издательство «Всемирная литература» было основано в сентябре 1918 г. (переговоры велись в августе) и находилось в подчинении Наркомпроса (Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН (далее АГ. — Я.Ч.). Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 502. [Л. 1]). Позднее, в 1919 г., в связи с проводимой большевиками политикой монополизации книжного рынка и появлением Государственного издательства, «Всемирная литература» перешла в его ведение, но пользовалась правами автономии и отстаивала их вплоть до своего закрытия в январе 1925 г., когда редакционная Коллегия объявила себя распущенной [9]. Несмотря на большое количество работ, посвященных первому советскому специализированному издательству переводной литературы, остается еще немало белых пятен, связанных с изданием тех или иных произведений, а также деятельностью его сотрудников, ученых, поэтов, писателей, переводчиков — А.А. Блока, Н.С. Гумилева, Е.И. Замятина, А.Л. Волынского, М.Л. Лозинского, Г.Л. Лозинского, К.И. Чуковского, А.Я. Левинсона, Ф.А. Брауна, Ф.Д. Батюшкова, В.М. Алексеева, И.Ю. Крачковского, Н.Я. Марра, С.Ф. Ольденбурга, Б.Я. Владимирцова и мн. др.

При реконструкции деятельности «Всемирной литературы» одним из малоизученных аспектов является сотрудничество с ней востоковедов. Напомним, что издательство состояло из двух отделов — Западного и Восточного (появился позднее, в апреле 1919 г.). На начальных этапах, когда оформлялась материальная база «Всемирной литературы» и подбирались сотрудники (1918–1919), существовало две редакционные Коллегии, ответственные за выпуск книг, подготовку к ним предисловий и комментариев. После того как формирование издательства в качестве институции завершилось (точную дату еще предстоит установить по документам), появилась единая редакционная Коллегия¹, в которую вошли представители Западного и Восточного отделов. При передаче дел в Государ-

¹ О необходимости соединить две коллегии в одну говорил, в частности, А.Л. Волынский 1 апреля 1921 г.: «...хочу еще раз поднять вопрос о необходимости слить Коллегию Западно-европейскую с Коллегией Восточной, потому что ваши темы очень близки нашим интересам, а наши темы постоянно находят в вашем лице внимательнейших слушателей» (АГ. КГ-изд. 4-4-9. Л. 9).

ственное издательство после закрытия «Всемирной литературы» составлялись различные списки выпущенных книг, находящихся на балансе рукописей и т. п. В числе этих документов был перечень сотрудников, имевший подзаголовок «Бывший состав Коллегии “Всемирной литературы”» (т. е. состав на момент закрытия издательства в 1925 г.): В.М. Алексеев, Б.Я. Владимирцов, А.Л. Волынский, В.М. Жирмунский, Е.И. Замятин, И.Ю. Крачковский, Н.О. Лернер, М.Л. Лозинский, С.Ф. Ольденбург, А.А. Смирнов, Ф.К. Сологуб, А.Н. Тихонов, К.И. Чуковский и секретарь В.А. Сутугина (АГ. Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 543. [Л. 1]).

За шестилетнюю историю «Всемирной литературы» (20 августа 1918 – 13 января 1925) состав редакционной Коллегии издательства менялся, но неизменно в том или ином качестве туда входили востоковеды С.Ф. Ольденбург, И.Ю. Крачковский, Б.Я. Владимирцов и В.М. Алексеев.

К началу своего сотрудничества с издательством «Всемирная литература» Алексеев уже был достаточно известным синологом, профессором Санкт-Петербургского (Петроградского) университета. До той всесоюзной и общемировой известности, которую впоследствии приобрел ученый, оставалось совсем недолго. Благодаря сотрудничеству Алексеева, а также других известных ученых-востоковедов со «Всемирной литературой», горьковское издательство стало не только переводоведческим, но и научным центром, где совершались важные открытия, которые оказалось возможным опубликовать лишь почти столетие спустя. Как известно, разыскания Алексеева сильно продвинули вперед отечественную синологию, но заданная ученым «программа китаеведных исследований и по сей день остается далеко не осуществленной и, скорее всего, в ближайшей перспективе реализована не будет» [17, с. 482]. Наше исследование — это небольшой вклад в освещение малоизученных аспектов сотрудничества В.М. Алексеева со «Всемирной литературой» в 1920-е гг.

На этапе формирования горьковского издательства Алексеев исполнял обязанности секретаря Восточного отдела, а также участвовал как редактор и автор в подготовке сборников статей по литературе Востока [12, 13], произведений новеллиста Пу Сун-лина [14, 15] и Антологии китайской лирики VII–IX вв. [3]. Однако вклад ученого в книгоиздательский процесс «Всемирной литературы» этим не ограничился: он также давал отзывы на переводы, вводные статьи к восточным и западным авторам, активно участвовал в выработке принципов художественного перевода иноязычных произведений.

При обсуждении вводных статей и переводов Алексеев оперировал фактами из близкой его научным интересам области — китаеведения, приводил примеры из текстов различных авторов, в том числе из Конфуция. Одно из первых упоминаний китайского философа появляется 25 ноября 1919 г. в контексте обсуждения предисловия к поэме «Гулистан» персидского поэта Саади (книга вышла в 1922 г. под грифом «Всемирной литературы» с предисловием С.Ф. Ольденбурга [16]). А.Н. Тихонов, заведующий редакцией «Всемирной литературы»², неизменный помощник А.М. Горького, находя преамбулу очень удачной, тем не менее недоумевал по поводу ее основной мысли: для поэзии Саади характерен культ среднего человека. Его поддерживал В.М. Алексеев, предполагая, что такая мысль не появилась бы без личной убежденности в этом автора предисловия к «Гулистану». Далее произошел обмен мнениями.

И.Ю. Крачковский, возражая, указывает ту точку зрения, которая наиболее применима к данному поэту: он не моралист, не идеалист и не мистик, а так сказать золотая середина. Поэт был не из средних, но по укладу своих мыслей именно средний человек, — человек середины. Н.Я. Марр думает, что для поэта является большим достижением воплощение в поэзии типа среднего человека³.

Имя Конфуция как раз возникает в контексте этих размышлений. В.М. Алексеев добавляет к сказанному Крачковским и Марром, что «философия Конфуция, в одном из своих синтезов, рисует идеал совершенного человека как человека Средины и Неизменности, т. е. не уклонения ни в одну крайность»⁴. Без обращения к истории личной эволюции В.М. Алексеева как ученого эта реплика о Конфуции, зафиксированная в протоколе от 25 ноября 1919 г., может показаться случайной, поскольку обсуждалась не китайская литературная и философская традиция, а персидская. Между тем отраженное в документе указание, что человек середины обрисован только в одном из многочисленных синтезов учения Конфуция, является для ученого принципиальным.

С первых шагов в науке В.М. Алексеев интересовался Конфуцием. Как свидетельствует опись сохранившихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН документов, уже в 1904 г. ученый включил

² Его подпись в этом качестве в письме Горького к С.И. Цыпкину, управляющему Петроградским отделением Наркомпрода, см.: [7, с. 54].

³ АГ. Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 270. Л. 1 об.

⁴ Там же.

в свое магистерское сочинение фрагмент о конфуцианстве — «Судьбы конфуцианства после сожжения книг при Цинь Ши-хуанди и отношение к нему государей западной ханской династии»⁵. С 1910-х гг. Алексеев начинает собирать материалы для реконструкции учения самого Конфуция (в совокупности насчитывается 1319 листов)⁶, изложение его последующими толкователями, прибавляя к этому обстоятельную библиографию⁷. В архиве хранятся и материалы к лекциям о конфуцианстве, например «Основные черты учения Конфуция» для слушателей Педагогического института⁸ или «Первый синтез конфуцианского учения (Да сё и Чжун Юн) (“Дасюэ” и “Чжунъюн”))»⁹. Таким образом, к апрелю 1921 г., когда будет сделан доклад о Конфуции, Алексеевым накоплен обширный материал, насчитывающий более 2000 листов заметок, выписок, конспектов и т. п., и выработан собственный подход к изучению философии Конфуция.

Доклад Алексеева на заседании «Всемирной литературы» настолько резюмирует более чем десятилетнее погружение ученого в материал, сколько открывает собой новый этап в отечественном конфуциановедении. На заседании редакционной Коллегии Алексеев объявляет о задуманном им переводе Конфуция, точнее главной его книги «Лунь юй» (название переводят по-разному — «Суждения и беседы», «Аналекты», «Изречения»). И впоследствии ученый предложил *литературный перевод* (курсив наш. — Я. Ч.) трех первых глав трактата с полным переводом традиционного основного комментария Чжу Си и примечаниями переводчика к тексту и всему комментарию¹⁰. Этот перевод опубликован впервые в 1978 г. в книге трудов В.М. Алексеева «Китайская литература». В дополненном издании 2002 г. в первом примечании к главам из «Лунь юй» сказано, что «перевод сделан в 1920–1921 гг.» [2, с. 161].

Тем не менее в протоколе редколлегии «Всемирной литературы» от 1 апреля 1921 г. зафиксированы следующие слова Алексеева: «Аким Львович (Волинский. — Я. Ч.) предложил мне сегодня сделать в Западной Коллегии сообщение относительно предполагаемого мною перевода Конфуция» (АГ. КГ-изд. 4-4-9. Л. 4). Поскольку, как

⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее СПФ АРАН. — Я. Ч.). Ф. 820. Оп. 1. Ед. хр. 381.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 820. Оп. 1. Ед. хр. 383; СПФ АРАН. Ф. 820. Оп. 1. Ед. хр. 386.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 820. Оп. 1. Ед. хр. 382.

⁸ СПФ АРАН. Ф. 820. Оп. 1. Ед. хр. 385.

⁹ СПФ АРАН. Ф. 820. Оп. 1. Ед. хр. 384.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 820. Оп. 1. Ед. хр. 387.

следует из приведенной цитаты, перевод был только задуман, необходимо задаться вопросом: Алексеев начал активно переводить главы из «Лунь юй» после доклада о Конфуции на заседании «Всемирной литературы» или какая-то работа по переводу велась и раньше? Это не праздный вопрос, так как в докладе (мы помещаем его в Приложении) речь идет в первую очередь о принципах перевода Конфуция и составления комментариев к нему. Алексеев использует условное наклонение («я бы задался целью двоякой и применил бы к этим двояким целям двоякий принцип»), формы настоящего времени в значении будущего («вот почему я предполагаю поместить перевод глоссы», «я полагаю дать эту глоссу») и т. д. Из этого следует, что подготовительная работа была уже проведена, но за сам перевод ученый принялся после апробации своих подходов к Конфуцию после апреля 1921 г.

Почему Алексеев взялся переводить только несколько глав одной книги Конфуция, причем сделать литературный, а не научный перевод? На этот вопрос отвечает сам ученый: «...научный перевод Конфуция невозможен в настоящее время, — китайская экзегетическая литература не может быть прочитана во всю жизнь, даже прочесть одну книгу, о которой идет речь, — “Суждения и беседы”, — понимая под прочтением использование как указателя, как системы, я считаю невозможным для одного человека, а говорить о научном переводе Конфуция без прочтения материала на оригинальном китайском языке бесполезно — это химера»¹¹.

В своем подходе к переводу оригинального текста книги Конфуция «Лунь юй» Алексеев отстаивал принцип точности. Даже не столько точности, сколько особо понимаемой дословности: «...перевод должен быть по возможности дословный. Конечно, нет никаких оснований пропускать, как это делается в китайском языке, местоимения — в этом отношении перевод будет не дословным, понимая под дословностью рабскую дословность. Но этот перевод не должен вводить никаких комментариев в перевод, за исключением некоторых отступлений» (АГ. КГ-изд. 4-4-9. Л. 7). В задачу переводчика, как видно из приведенного текста, не входит толкование тех или иных мест оригинала, поскольку уже существуют комментаторы Конфуция, суждения которых можно присовокупить к переводу. Переводчик должен с максимально возможной точностью подойти к передаче смысла и приобщить к этому делу наиболее распространенные в Китае толкования различных аспектов учения. Привлечение

¹¹ АГ. КГ-изд. 4-4-9. Л. 6.

именно автохтонных толкований для Алексеева было принципиальным, поскольку русская традиция еще не усвоила Конфуция так, как это было необходимо для составления научного комментария к тексту (об этом также говорится в докладе ученого). Таким образом, целью перевода, по Алексееву, является предоставление читателю понятного текста, в котором оригинал, комментарий и пояснения переводчика не противоречат, а взаимодополняют друг друга.

В чем же тогда заключается понимание «литературности» перевода? Такой перевод должен читаться без необходимости «продираться» через смысловые и стилистические «дебри» оригинала. Текст в первую очередь должен быть выстроен в соответствии с грамматическими принципами русского языка и включать в себя адекватные оригиналу, насколько это возможно, лексические и смысловые аналоги (в задачу переводчика входит их подбор и адаптация). Такой «подстрочник» должен снабжаться ссылками на трактовку тех или иных мест китайскими комментаторами, к которым переводчик при необходимости может добавить свои объяснения:

Литературное кредо должно состоять в том, что они (т. е. подстрочник, глосса и комментарий на глоссу переводчика. — *Я.Ч.*) должны читателю, подготовленному настолько, чтобы вообще читать эту книгу, дать возможность читать все, что в этой книге есть, и сделать так, чтобы туземную глоссу втиснуть в рамки литературного перевода русского уклада и чтобы она совпала с пониманием русского читателя. Вот на этом основании я бы считал предполагаемый перевод литературным и литераторским, — не научным, не вульгарным и никоим образом не так называемым научно-популярным, — это не популярный перевод в том смысле, как мы это понимаем, ибо ярких вывесок и завлекательных принципов там найти будет нельзя, но вместе с тем это перевод литературный и литераторский, которым может пользоваться всякий литературно-образованный и во всяком случае интеллигентный русский человек¹².

Как следует из приведенной цитаты, ознакомиться с переводом Конфуция сможет только подготовленный читатель.

В своем докладе на заседании «Всемирной литературы» 1 апреля 1921 г. В.М. Алексеев представляет краткий обзор основных вех в истории переводов Конфуция как в Европе, так и в России. Обозревая разные зарубежные переводы, ученый приходит к выводу,

¹² АГ. КГ-изд. 4-4-9. Л. 8.

что наиболее авторитетным следует считать работу английского миссионера шотландского происхождения Джеймса Легга. Позднее это имя появится и в «Рабочей библиографии китаиста». Состояние отечественного конфуциановедения на 1921 г. оценивается Алексеевым как плачевное, и во многом это связано не столько со слабой материальной базой, сколько с нежеланием российских миссионеров, а вслед за ними и синологов вникать в суть концепции китайского философа.

Позднее, в 1923 г., спустя два года после выступления 1 апреля 1921 г. на заседании редакционной Коллегии, Алексеев предпримет попытку обозначить основные тезисы конфуцианской философии в статье «Учение Конфуция в китайском синтезе» для журнала «Восток» [1], издаваемого «Всемирной литературой». В этой работе, как видно уже из названия, в фокусе внимания ученого будет рецепция философской доктрины Конфуция в Китае. По сути же, Алексеев проанализирует содержание книги современного ему китаеведа и философа Ху Ши «История китайской философии в больших линиях» (так перевел название Алексеев). Ценность статьи Алексеева состоит в критических комментариях к изложению философии Конфуция Ху Ши. Ученый указывает на трудности систематического изложения конфуцианской доктрины, связанные в первую очередь с неразберихой в атрибуции книг, реально написанных Конфуцием и ему приписываемых, а также с произвольным изложением этого учения многочисленными комментаторами, постулаты которых зависят от точки зрения излагающего и способа его аргументации. Беря за основу работу о конфуцианстве Ху Ши, как одну из немногих критически написанных и научно обоснованных книг, Алексеев вместе с тем показывает шероховатости и лакуны в объяснениях самого Ху Ши, что, разумеется, не отменяет ценности этого труда.

В статье 1923 г. Алексеев вновь поднимет вопрос об адекватной передаче учения Конфуция, как и в докладе на редакционной коллегии «Всемирной литературы» 1 апреля 1921 г.

Как видно из нашего изложения, важной вехой в истории «Всемирной литературы» стал доклад будущего академика Василия Михайловича Алексеева о Конфуции. Это сообщение довольно подробно зафиксировано машинисткой в протоколе и представляет определенный интерес, поскольку впервые в нем оцениваются существующие переводы и переложения Конфуция на русский язык и обсуждается возможность адекватной передачи стиля и смысла учения ключевого для китайской культуры автора. Вместе с тем доклад Алексеева встраивается в традицию теоретических переводческих

штудий, развернувшихся во «Всемирной литературе», а также свидетельствует о неослабевающем интересе ученого к учению Конфуция.

Выдержка из протокола заседания редакционной Коллегии издательства «Всемирная литература» от 1 апреля 1921 г. публикуется по машинописи, хранящейся в фонде А.Н. Тихонова в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН (далее — АГ). Текст печатается в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации с сохранением индивидуальных особенностей написания. Описки и иные погрешности исправлены без оговорок. Подчеркнутые в оригинале слова выделены курсивом. Вставки и вычеркивания оговариваются в сносках в тех случаях, когда это важно для понимания смысла.

**Заседание Коллегии
издательства «Всемирная литература»
1 апреля 1921 года¹³**

Алексеев. Аким Львович¹⁴ предложил мне сегодня сделать в Западной Коллегии сообщение относительно предполагаемого мною перевода Конфуция.

Председатель. Вы не находите, что я несколько превысил председательские обязанности...

Ольденбург. Мы всегда стоим за сближение Востока с Западом.

Алексеев. В европейской литературе переводы Конфуция существуют с очень ранних дат. Конфуцием интересовались все постольку, поскольку имели к этому дело. Прежде всего Конфуцием интересовались именно как делом, деловито — миссионеры, миссионеры христианские, которым нужно было эту твердыню сокрушить. Я всегда стоял на той точке зрения, что здесь миссионеры потерпели крах. Они взялись за дело и продолжали его вести совершенно вслепую, безрезультатно и беспочвенно. Объясняется это тем, что христиане хотели сокрушить на почве своего догматизма религию, если можно назвать конфуцианство религией, конечно, только в больших кавычках, которая нигде с христианством не сталкивается, нигде ему не противоречит, но, по их мнению, она именно противоречила. И, исходя из основного неправильного понимания конфуцианства как религии, т. е. явления, тождественного христианству, буддизму и т.п., христианство вело борьбу с открытыми дверями. С точки зре-

¹³ АГ. КГ-изд. 4-4-9. Л. 4-9.

¹⁴ Аким Львович Вольнский (1861 или 1863–1926) — председатель редакционной Коллегии издательства «Всемирная литература» практически с момента основания по январь 1925 г.

ния конфуцианства, христианская религия есть не больше, как суеверие. И вот, исходя из этой точки зрения, христианские проповедники и начали борьбу с конфуцианством. Меня интересует отправной пункт — с чего они начали борьбу. Они начали борьбу с изучения Конфуция. Изучать Конфуция стали прежде всего миссионеры, изучать схематически. Прежде всего — язык. Ни язык Конфуция, ни язык комментария не был доступен миссионерам, и они обратились к языку подходящему, подсобному — маньчжурскому. Как раз маньчжурцы¹⁵ к тому времени достигли наибольшего расцвета, перевели Конфуция и играли роль переводчиков¹⁶. Таким образом, первый перевод Конфуция сделан не с китайского, а с маньчжурского, причем перевод был сделан совершенно не заботясь о терминологии, обычными, обыкновенными словами, такими, какими может быть ведена пропаганда, окружающая текст. Миссионерам здесь не оставалось ничего, они перевели перевод без перевода, перевод без объяснений. Схематика первая выразилась в том, что они взяли чужой язык, схематика вторая — в том, что перевели без всяких подразделений материала. Большинство этих переводов хранится в рукописях в Париже, в частных брульонах¹⁷.

Вслед за миссионерами явились коммерсанты. Они проявили более толерантное отношение к Конфуцию, т. е. они не смотрели на него глазами врагов, они взялись за дело иначе, они добросовестно переделывали оригинал китайский на оригинал английский или французский и придавали ему вид правильный, рационалистичный, снабдив комментариями, но комментариями только такими, какие они могли понимать. А такие комментарии были несложны. Это были выдержки из школьных китайских комментариев. Дальше школьных книг люди эти не пошли. Так продолжалось дело до шестидесятых годов, когда опять дело дошло до миссионеров. И вот миссионер Легг¹⁸, шотландский миссионер, перевел всю китайскую библию с китайского на английский язык¹⁹. Это был первый серьезный перевод, основанный на хорошем переводном тексте. Комментарии тоже не плохи, особенно в некоторых частях, где не было почвы для религиозных суждений. Этот перевод с комментариями до сих пор существует, до сих пор ему замены нет. Но даже в этом лучшем

¹⁵ Так в протоколе.

¹⁶ Подробнее см.: [11, с. 99–100].

¹⁷ Брульон — черновик, черновая тетрадь.

¹⁸ Джеймс Легг (1815–1897) — переводчик, комментатор классических произведений древнекитайской философии, первый профессор кафедры синологии Оксфордского университета (с 1876 г.).

¹⁹ Подробнее об этом см.: [4].

труде, в этом серьезнейшем труде мы видим отношение к Конфуцию свысока. Конфуцианство представляется каким-то дефективным материалом и естественной считается замена конфуцианства христианством, ибо это единственно вечное, а конфуцианство лишь местная, не мировая, культура и никоим образом не может заменить мировой, что этому ослеплению должен прийти конец. Здесь перевод сделан в таком духе, перевод добросовестный, но все <пред>принято к тому, чтобы Конфуций был так или иначе представлен в осмыслении. Филологии тут нет — это не филология, это эклектика, которая филологии претит. После этого перевода появился перевод для нас еще более существенный — перевод миссионеров католических на латинский язык²⁰. С китайского языка дословно переводить нельзя на языки новые, ибо они стоят на непримиримых точках зрения в размещении слов. Неизменяемые слова китайского текста не могут быть жонглерным образом брошены в текст, как у Вергилия или Овидия, нельзя разбросать произвольно слова по строкам — окончания нет. В то же время английский язык и французский, благодаря всем известным особенностям, не очень-то позволяют располагать свои слова так или иначе. Кроме того, захватанность многих терминов и отсутствие новых на их замену производила то, что из текста перевода получался пересказ. Латинский язык в этом отношении громадная помощь, потому что он позволяет дословнейшим образом переводить с китайского, переводить языком церковным, создавать пафос, создавать торжественность. Во всяком случае тон получался эквивалентный, и это очень важно.

Таково состояние перевода Конфуция на европейские языки. К этому придется добавить еще третичную стадию, стадию переводов, сделанных уже в Европе любителями, теософами, которые старались отыскать в Конфуции некоторое основание для нужных им доктрин, а то и не теософами, а просто людьми, пишущими переводы с китайского, старающимися обработать Легга французских

²⁰ Имеется в виду миссия иезуитов, во главе которой стоял итальянец Матео Риччи (1552–1610). «Именно он был первым европейцем, переведшим китайские классические тексты, и он был первым человеком с Запада, который в совершенстве овладел китайским языком. И не просто овладел, но стал ученым-*шенъши*, равным которому были лишь сами китайские книжники. Это достижение редко повторялось кем-либо из европейцев, и ни разу никто не превзошел его в учености. А ведь Риччи приходилось составлять свои собственные словари, чтобы в одиночку одолеть труднейший омонимический иероглифический язык, в котором значение слога зависит еще и от тона, а в случае с древними авторами — от индивидуальных особенностей употребления тем или иным книжником. Перевод пяти классических книг конфуцианского канона даже сейчас кажется делом, которого хватало бы на целую жизнь, для Риччи же это было лишь побочным занятием» [8, с. 89]. Перевод конфуцианских текстов был завершен в 1592 г.

католических миссионеров. Существует приблизительно шестьдесят переводов, и ни один из <них> не может быть признан вообще, не говоря уже о том, что ни один не может быть признан научным уже потому, что научный перевод Конфуция невозможен в настоящее время, китайская экзетическая литература не может быть прочитана во всю жизнь, даже прочесть одну книгу, о которой идет речь — «Суждения и беседы»²¹, — понимая под прочтением использование, как указателя, как системы, я считаю невозможным для одного человека, а говорить о научном переводе Конфуция без прочтения материала на оригинальном китайском языке бесполезно — это химера²².

Когда мы подходим к вопросу о русском изучении Конфуция, то мы находим, что наши миссионеры заботились об этом еще с восемнадцатого века²³. Ученики, посылающиеся в Пекин духовной миссией, старались с помощью маньчжурского языка так или иначе к этому вопросу подойти. Несомненно, к Конфуцию подойти они не могли. Они подходили к подсобным трактатам, которые изображают схему конфуцианства, и издавали переводы, которые не имеют ни малейшего значения, — никто их не читал ни в восемнадцатом, ни в девятнадцатом столетии. Когда изучение Китая попало из Казани в Петербург²⁴, то предмет его серьезного насаждения явился Конфуций, который проповедовался все время в течение пятидесяти-шестидесяти лет существования китаеведения в Петербурге. За это время издано два перевода Конфуция. Один перевод²⁵ покойного академика В.П. Васильева²⁶, а другой — его ученика, тоже покойного, П.С. Попова²⁷. Оба перевода одинаковы, но последний хуже

²¹ Алексеев имеет в виду первую книгу из т.н. «Четверокнижия» (свода канонических конфуцианских текстов, составленных китайским философом-энциклопедистом XII в. Чжу Си) «Лунь юй».

²² В настоящее время существует несколько переводов «Лунь юй», в том числе и научных: Л.И. Головачёвой (Рубеж. Владивосток. 1992. № 1. С. 259–310), Л.С. Переломова (1998), Р.В. Грищенко (1999), И.И. Семененко (2000), А. Мартынова и И. Зограф (2000) и др.

²³ Подробнее об учении Конфуция в России см.: [11, с. 280–288].

²⁴ В 1855 г. в Петербургском университете был образован Восточный факультет.

²⁵ Вероятно, имеются в виду «Примечания на второй выпуск китайской хрестоматии. Перевод и толкования Лунь-юй'я» (1884). Отрывки из Конфуция также были помещены В.П. Васильевым в книги «Маньчжурская хрестоматия для первоначального преподавания» (1863) и трехтомную «Китайскую хрестоматию» (1868).

²⁶ Василий Павлович Васильев (1818–1900) — ученый-синолог, буддолог, санскритолог. Академик Петербургской Академии наук (1886). Декан Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Васильев был первым русским историком китайской литературы.

²⁷ Имеется в виду книга «Изречения Конфуция, учеников его и других лиц» (СПб., 1910). Павел Степанович Попов (1842–1913) — синолог, переводчик, старший

первого в том отношении, что пытался наложить литературную руку на дословщину Васильева, но потерпел на этом аварию. Переводы эти нужно охарактеризовать как учебные, что авторы и не оспаривали. Сам В.П. <Васильев> говорит — мы желали дать дословный перевод учащимся. Нужно принять во внимание, что положение Китаеведения было в то время менее ужасно, чем теперь пропорционально, но абсолютно все же было ужасно. У студентов не было словарей на руках, они жили как при царе Горохе²⁸, диктовками со слов профессоров. В примечания входили описания слов — и этим все исчерпывалось. Вот почему переводы Васильева представляют собой перевод дословный плюс примечания, вечно иронизирующие над текстом китайщины. Перевод Попова хуже, хотя словари были тогда на руках²⁹. В таком положении находится перевод Конфуция на русский язык. В литературе их нет, потому что перевод Васильева достать нельзя, а Попова почти нельзя, а если бы и было можно, то не стоит, потому что это скорее вред принесло бы, чем пользу.

Перед переводчиком стоят две проблемы: или сделать перевод научным, что невозможно, потому что книг нет, потому что это история очень длинного времени, работа аскетическая, схим<н>ическая на очень долгий срок без всякой возможности выполнения; или сделать впервые, наконец, перевод литературный, причем, вступая на путь второй проблемы, я бы задался целью двоякой и применил бы к этим двояким целям двоякий принцип — перевод должен быть по возможности дословный. Конечно, нет никаких оснований пропускать, как это делается в китайском языке, местоимения, в этом отношении перевод будет не дословным, понимая под дословностью рабскую дословность. Но этот перевод не должен вводить никаких комментариев в перевод, за исключением некоторых отступлений. Что касается глоссы, то или она будет за кулисами, или надо вынести ее наружу. Глосса слишком велика для того, чтобы можно было как-нибудь стараться переводить ее целиком, тем паче в литературном переводе большое количество глоссы заглушит самый текст, поэтому

драгоман императорской дипломатической миссии в Пекине. Член-корреспондент Петербургской Академии наук (1890).

²⁸ Исправить эту ситуацию пытался В.П. Васильев. См.: [6, с. 313–317].

²⁹ К 1900-м гг. в Российской империи уже существовало несколько словарей, например, «Маньчжуро-русский словарь» (1866), подготовленный В.П. Васильевым, «Полный маньчжурско-русский словарь, составленный преподавателем маньчжурского языка при Императорском С.-Петербургском университете, действительным стат. советн. Иваном Захаровым» (1875), два издания «Русско-китайского словаря, составленного первым драгоманом Российской миссии в Пекине П.С. Поповым» (1879; 1896), «Краткий русско-китайский словарь и карта Маньчжурии» (1904) А. Домбровского и В. Ворошилова и др.

для литературного перевода мне, казалось бы, достаточно дать такую глоссу, которая является наиболее распространенной. Такой глоссой является сунская глосса двенадцатого века известнейшего китайского философа и толкователя Конфуция — Джусси³⁰. Книга имеется в хорошем издании³¹. Здесь нужно поступить таким образом, чтобы не давать эклектического комментария, а дать цельное миропонимание, лежащее в основе. Вот почему я предполагаю поместить перевод глоссы Джусси целиком, но так как это все-таки комментарий, то применять к нему метод такого священнодействия, как к Конфуцию, т. е. строжайшую дословность, я бы считал ненужной, потому что эта глосса рассчитана на то, чтобы создать почву для понимания основного текста. Я полагаю дать эту глоссу в таком виде, чтобы русский читатель, читая фразы перевода Конфуция в самом тексте, нашел бы в глоссе понимание всего, что есть в тексте. Таким образом переводчик как личность сходит на нет — нужно дать перевод Конфуция точный, затем указания глоссы, где их недостаточно, можно взять другой источник, но указать, затем дать понимание туземное с определенным мировоззрением. Так я мыслю перевод классический, — получается таким образом троякоярусный перевод³² — текст дословный, глосса в переводе литературном и затем внизу примечания, которые говорят о тех вещах в самом тексте глоссы, о которых неудобно говорить от себя, — это будет глосса переводчика. В некоторых случаях эти примечания будут объемистые, потому что Джусси писал китайским ученикам, он не предполагал, что человек не будет ничего знать о китайской конституции³³, и он говорит об этом поэтому кратко, предполагая, что сидячий учитель объяснит подробнее³⁴. Затем нужно, конечно, предисловие, очень солидное предисловие, которое должно заключать в себе и жизнь Конфуция, и, главным образом, мне кажется, впервые синтез его доктрины, в данной книге находящейся³⁵. У нас не принято рассказывать заранее фабулы, хотя я лично большой сторонник этого, но тут фабулы нет, и нетерпения,

³⁰ Имеется в виду китайский философ-энциклопедист Чжу Си (1130–1200), известнейший систематизатор канонов конфуцианства.

³¹ Эта книга опубликована. См.: [11, с. 508–523].

³² Подробнее см.: [5, 10].

³³ Т. е. устройстве языка.

³⁴ Конфуций при жизни активно занимался педагогикой, сам он не записывал свои сентенции, это делали ученики. После смерти китайского философа в 479 г. до н. э. его взгляды нашли аутентичное выражение в составленном сборнике «Лунь юй», содержавшем как высказывания самого Конфуция, так и его учеников. Записи велись учениками кратко, «для себя», поскольку у них имелась возможность прояснить какие-то моменты непосредственно у учителя.

³⁵ Такое предисловие написано Л.С. Переломовым. См.: [11, с. 12–288].

с которым читатель будет перевертывать страницы Конфуция, я не предполагаю. Предисловие было бы здесь уместно. Перевод этот, который, может быть, когда-нибудь будет доведен до конца, должен прежде всего не быть одним и единственным, но литературное кредо должно состоять в том, что они должны читателю, подготовленному настолько, чтобы вообще читать эту книгу, дать возможность читать все, что в этой книге есть, и сделать так, чтобы туземную глоссу втиснуть в рамки литературного перевода русского уклада и чтобы она совпала с пониманием русского читателя. Вот на этом основании я бы счел предполагаемый перевод литературным и литературским, не научным, не вульгарным и никоим образом не так называемым научно-популярным, это не популярный перевод в том смысле, как мы это понимаем, ибо ярких вывесок и завлекательных принципов там найти будет нельзя, но вместе с тем это перевод литературный и литературский, которым может пользоваться всякий литературно-образованный и во всяком случае интеллигентный русский человек.

Председатель. Василий Михайлович, разрешите спросить, к какому веку глосса относится?

Алексеев. К двенадцатому, но она же и в шестнадцатом, и в семнадцатом...

Председатель. Изложение глоссы отличается от изложения Конфуция?

Алексеев. Совершенно, отличается крайней ясностью...

Председатель. Вы язык Конфуция считаете типичным китайским или смешанным?

Алексеев. Я боюсь по этому поводу говорить определенно, потому что это язык архаический, из чего он состоит, это гипотеза, я думаю, что это язык Китая³⁶.

Председатель. Я считаю, что такого рода перевод мог бы составить событие в истории русской литературы. Восток явно показал превосходство над Западом, и возвращение к восточным первоисточникам я считаю величайшим делом. За возможность прочесть Конфуция в Вашем переводе я бы отдал десять лет жизни не сомневаясь.

Владимирцов. Два маленьких замечания. Василий Михайлович заметил, говоря о воинственном отношении миссионеров против Конфуция и отношении коммерсантов, что, с точки зрения конфуци-

³⁶ Речь идет о древнекитайском языке (вэньяне), который начал формироваться в XIV в. до н. э. Произведения конфуцианской и даосской классики V–III вв. до н. э., наряду с историческими хрониками, относят к раннему классическому периоду развития древнекитайского языка.

анства, христианство является ни больше ни меньше как суеверием, и как будто Василий Михайлович согласен с этим...

Алексеев. То есть Вы хотите меня привлечь к тому, что с моей точки зрения христианство есть суеверие... Господа, я призываю свидетелей...

Председатель. Никаких сомнений на этот счет у меня не возникло, я ясно понял мысль Василия Михайловича.

Владимирицов. Потом Василий Михайлович говорит о враждебном отношении миссионеров к Конфуцию, абсолютно нетерпимом, но нам известно, что как раз первые миссионеры-иезуиты в своих целях добились у Папы признания Конфуция христианским проповедником. Это им почти удалось, но они вообще потерпели крушение...³⁷

Алексеев. Совершенно верно, это течение было, это было нужно для приобщения некоторых китайских книг к своим, но это течение потерпело аварию.

Ольденбург. Это была гнуснейшая фальсификация, не то, что они к Конфуцию так относились, но они считали, что это есть выгодный подход.

Владимирицов. В семнадцатом веке иезуиты, которые были на службе монгольского императора, очень терпимо относились к Конфуцию...

Алексеев. Они не смели иначе относиться.

Владимирицов. Это показывает ничтожное знание христианства.

Председатель. Они не знали христианского мышления.

Алексеев. Они судили по пропаганде христианства.

Ольденбург. Они и на буддизм так смотрели.

Алексеев. Да, и это им не простительно, потому что они имели возможность ознакомиться, литература огромная, они смотрели как на посягательство на их туземный авторитет, считали, что учитель есть только один — туземный, а иностранных не нужно.

Председатель. Смеею Вам принести благодарность от имени Коллегии за интересный доклад...

³⁷ Речь идет о деятельности Матео Риччи и его последователей. См.: [8, с. 65–138].

Литература

1. Алексеев В. Учение Конфуция в китайском синтезе // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. М.; Л.: Гос. изд-во, 1923. Кн. 3. С. 126–149. (Всемирная литература)
2. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе: в 2 кн. М.: Вост. лит., 2002. Кн. 1 / сост. М.В. Баньковская; отв. ред. Б.Л. Рифтин. 574 с.
3. Антология китайской лирики VII–IX вв. по Р. Хр. / пер. в стихах Ю.К. Щуцкого; ред., вводные обобщения и предисл. В.М. Алексеева. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 144 с. (Всемирная литература)
4. Головачева Л.И. Джеймс Легг об истории текста «Лунь юй» // Ориенталистика. 2020. № 3 (5). С. 1280–1297. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2020-3-5-1280-1297>
5. Головачева Л.И. Изначальные трудности перевода, метод В.М. Алексеева и проблема аутентичности текста «Лунь юй» // Проблемы литератур Дальнего Востока: Сборник материалов VI Международной научной конференции, 25–29 июня 2014 г. СПб, 2014. Т. 2. С. 35–44.
6. Горбачева З.И., Петров Н.А., Смыкалов Г.Ф., Панкратов Б.И. Русский китаевед Василий Павлович Васильев (1818–1900) // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Сб. 2. С. 313–317.
7. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. Письма. Июнь 1919–1921. 736 с.
8. Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.) / отв. ред. Д.Д. Васильев. М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2001. 256 с.
9. Иванова Е.В., Чечнёв Я.Д. Как и почему было закрыто издательство «Всемирная литература» (по материалам из Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН) // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 2. С. 366–391. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-366-391>
10. Ичань В. Идеи академика В.М. Алексеева о трёхъярусном переводе китайской классики на примере «Лунь юй» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 99–107. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2019-2-99-107>
11. Конфуций: «Лунь юй» / исслед., пер. с кит., коммент. Л.С. Переломова. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 588 с.
12. Литература Востока. Пб.: Гос. изд-во, 1919. Вып. 1: Статьи: С.Ф. Ольденбурга, И.Ю. Крачковского, А.Н. Самойловича, В.Г. Богораза. 68 с. (Всемирная литература)
13. Литература Востока. Пб.: Гос. изд-во, 1920. Вып. 2: Статьи: В.М. Алексеева, С.Г. Елисеева, Б. Владимирцова, В.А. Котвича, Б.А. Тураева, И.Ю. Крачковского: «Памяти Б.А. Тураева». 174 с. (Всемирная литература)
14. Пу Сун-лин. Избранные рассказы Ляо Чжая. Пб.: Гос. изд-во, 1922. Т. 1: Лисьи чары: из сборника странных рассказов Пу Сун-лина (Ляо Чжай Чжи И) / пер. и предисл. В.М. Алексеева. 158 с. (Всемирная литература. Китай)
15. Пу Сун-лин. Избранные рассказы Ляо Чжая. Пб.: Гос. изд-во, 1922. Т. 2: Монахи волшебники. 276 с. (Всемирная литература. Китай)
16. Саади М. Гулистан: Избранные рассказы / пер. Е. Бертельса; предисл. С.Ф. Ольденбурга. Берлин: Гос. изд-во, 1922. 114 с. (Всемирная литература. Персия)
17. Смирнов И.И. «...Имеет отношение к воспитанию души». Над страницами «Трудов по китайской литературе» акад. В.М. Алексеева // Аспекты компаративистики 1 / под ред. А.В. Дыбо, Г.С. Старостина. М.: Изд-во РГГУ, 2005. С. 479–500. (Orientalia et Classica VI)

Research article and Publication of Archival Documents

Confucius in “World Literature.” V.M. Alekseev’s Report on the Chinese Philosopher in 1921 (Based on the Materials of A.M. Gorky Archive of IWL RAS)

© 2022. Yakov D. Chechnev

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 21-18-00494: “The History of the ‘World Literature’ Publishing House in documents: the fate of Russian creative intelligentsia in the postrevolutionary space through the prism of Maxim Gorky’s publishing project”).

Abstract: The article introduces an unknown report of the sinologist V.M. Alekseev on the alleged translation of Confucius, made at the editorial Board of the publishing house “World Literature,” into scientific circulation. The speech preserved in the typewritten record of the meeting of April 1, 1921, represents a prominent event both in the history of the publishing house itself and in the history of Russian Sinology. The presented material shows that the “World Literature” was not only a publishing institution of the first years of Soviet power, but also a major scientific center, where it was possible to gather leading writers and scientists. The attached report by V.M. Alekseev is supplemented by an extended discussion, which clearly illustrates the scientific level of the debates that were conducted in the “World Literature” during the preparation of the majority of both published and conceived books. At the same time, the published report is valuable as an independent research covering the history of the study of Confucius, existing translations, as well as the domestic reception of Chinese philosopher’s teachings.

Keywords: Confucius, Analects, Judgments and Conversations, V.M. Alekseev, “World Literature.”

Information about the author: Yakov D. Chechnev — PhD in Philology, Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9439-0430>

E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

For citation: Chechnev, Ya.D. “Confucius in ‘World Literature.’ V.M. Alekseev’s Report on the Chinese Philosopher in 1921 (Based on the Materials of A.M. Gorky Archive of IWL RAS).” *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 2 (24), pp. 230–249. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-230-249>

References

1. Alekseev, V. "Uchenie Konfutsiia v kitaiskom sinteze" ["The Teachings of Confucius in Chinese Synthesis"]. *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva* [*The East. Journal of Literature, Science and Art*], book 3. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1923, pp. 126–149. (Vsemirnaia literatura) (In Russ.)
2. Alekseev, V.M. *Trudy po kitaiskoi literature: v 2 kn.* [*Works on Chinese literature: in 2 books*], book 1, comp. M.V. Ban'kovskaia, ex. ed. B.L. Riftin. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2002. 574 p. (In Russ.)
3. *Antologiiia kitaiskoi liriki VII–IX vv. po R. Khr.* [*Anthology of Chinese Lyrics of 7th–9th Centuries A. D.*], trans. by Iu.K. Shchutsky, ed., introd. by V.M. Alekseev. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1923. 144 p. (In Russ.)
4. Golovacheva, L.I. "Dzheims Legg ob istorii teksta 'Lun' iui'." ["James Legg on the History of 'Analects'."]. *Orientalistika*, no. 3 (5), 2020, pp. 1280–1297. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2020-3-5-1280-1297> (In Russ.)
5. Golovacheva, L.I. "Iznachal'nye trudnosti perevoda, metod V.M. Alekseeva i problema avtenticnosti teksta 'Lun' iui'." ["The Initial Difficulties of Translation, the Method of V.M. Alekseev and the Problem of Authenticity of 'Analects'."]. *Problemy literatur Dal'nego Vostoka: Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 25–29 iunია 2014 g.* [*Issues of Far East Literature: Proceedings of the VI International Scientific Conference, June 25–29, 2014*], vol. 2. St. Petersburg, 2014, pp. 35–44. (In Russ.)
6. Gorbacheva, Z.I., Petrov, N.A., Smykalov, G.F., Pankratov, B.I. "Russkii kitaevd Vasiliu Pavlovichu Vasil'evu (1818–1900)" ["Russian Sinologist Vasily Pavlovich Vasiliev (1818–1900)"]. *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniia* [*Essays on the History of Russian Oriental Studies*], coll. 2. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1956, pp. 313–317. (In Russ.)
7. Gor'kii, M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 24 t.* [*Complete Works. Letters: in 24 vols.*], vol. 13: Pis'ma. Iiun' 1919–1921 [Letters. June 1919–1921]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 736 p. (In Russ.)
8. Dubrovskaia, D.V. *Missiia iezuitov v Kitae. Matteo Richchi i drugie (1552–1775 gg.)* [*The Jesuit Mission in China. Matteo Ricci and Others (1552–1775)*]. Moscow, Kraft+, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001. 256 p. (In Russ.)
9. Ivanova, E.V., Chechnev, Ia.D. "Kak i pochemu bylo zakryto izdatel'stvo 'Vsemirnaia literatura' (po materialam iz Arkhiva A.M. Gor'kogo IMLI RAN)" ["How and Why the 'World Literature' Publishing House was Closed (on Materials from A.M. Gorky Archive of IWL RAS)"]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 2, 2022, pp. 366–391. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-366-391> (In Russ.)
10. Ichan', V. "Idei akademika V.M. Alekseeva o trekhriarusnom perevode kitaiskoi klassiki na primere 'Lun' iui'." ["The Ideas of Academician V.M. Alekseev about the Three-tiered Translation of Chinese Classics on the Example of 'Analects'."]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seria: Lingvistika*, no. 2, 2019, pp. 99–107. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2019-2-99-107> (In Russ.)
11. *Konfutsii: Lun' iui* [*Confucius: Analects*], research, trans. from Chinese, comment. by L.S. Perelomov, facsimile text of "Analects" with comment. by Chzhu Si. Moscow, Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura" RAS Publ., 1998. 588 p. (In Russ.)
12. *Literatura Vostoka* [*Literature of the East*], issue 1: Stat'i: S.F. Ol'denburga, I.Iu. Krachkovskogo, A.N. Samoilovicha, V.G. Bogoraza [Articles by S.F. Oldenburg, I.Yu. Krachkovsky, A.N. Samoilovich, V.G. Bogoraz]. Petersburg, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1919. 68 p. (Vsemirnaia literatura) (In Russ.)

13. *Literatura Vostoka* [*Literature of the East*], issue 2: Stat'i: V.M. Alekseeva, S.G. Eliseeva, B. Vladimirtsova, V.A. Kotvicha, B.A. Turaeva, I.Iu. Krachkovskogo: "Pamiati B.A. Turaeva" [Articles by V.M. Alekseev, S.G. Eliseev, B. Vladimirtsov, V.A. Kotvich, B.A. Turaev, I.Yu. Krachkovsky: "In Memory of B.A. Turaev"]. Petersburg, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1920. 174 p. (Vsemirnaia literatura) (In Russ.)

14. Pu Sun-lin. *Izbrannye rasskazy Liao Chzhaia* [*Selected Stories by Liao Zhai*], vol. 1: Lis'i chary: iz sbornika strannykh rasskazov Pu Sun-lina (Liao Chzhai Chzhi I) [Fox Charms: from the Collection of Strange Stories by Pu Song-ling (Liao Zhai Zhi Yi)]. Petersburg, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922. 158 p. (In Russ.)

15. Pu Sun-lin. *Izbrannye rasskazy Liao Chzhaia* [*Selected Stories of Liao Zhai*], vol. 2: Monakhi volshebnyki [Monks Magicians]. Petersburg, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922. 276 p. (In Russ.)

16. Saadi, M. *Gulistan: Izbrannye rasskazy* [*Gulistan: Selected Stories*], trans. by E. Bertel's, introd. by S.F. Ol'denburg. Berlin, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922. 114 p. (In Russ.)

17. Smirnov, I.I. "...Imeet otnoshenie k vospitaniiu dushi.' Nad stranitsami 'Trudov po kitaiskoi literature' akademika V.M. Alekseeva" ["...It has to do with the education of the soul.' Over the Pages of 'Works on Chinese Literature' by Academician V.M. Alekseev"]. *Aspekty komparativistiki 1* [*Aspects of Comparative Studies 1*], ed. by A.V. Dybo, G.S. Starostin. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2005, pp. 479–500. (Orientalia et Classica VI) (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 05.04.2022

Одобрена после рецензирования: 19.05.2022

Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 05.04.2022

Approved after reviewing: 19.05.2022

Date of publication: 25.06.2022